

ТРЕБОВАНИЕ И ЖЕЛАНИЕ

ДАНИЭЛЬ РУА

Удивительно, но Лакан редко говорит о желании самом по себе: желание и требование, желание и наслаждение, желание и закон... Он утверждает: «Желание человека – это желание Другого», называет свой семинар «Желание и его интерпретация». Быть может, это все для того, чтобы «поймать» желание, эту «небесную птицу» или неуловимого «хорька», наделив его чем-то вроде балласта?

Желание – это перо Жар-птицы, из-за которого Иван-царевич пускается в исполненное невзгод путешествие, где ему предстоит такая опасная встреча с Еленой Прекрасной или царевной Василисой. Как и Жар-птицу, желание не поймать: не знаешь таких изощренных приемов и не имеешь помощника. В сказках речь идет о Сером Волке или о Богатырском Коне Ивана, согласно версиям 168 и 169 Собрания русских сказок Александра Николаевича Афанасьева (издание 1957 года). По-моему, психоаналитик мог бы служить для анализируемого таким «серым волком», с той разницей, что он не обещает никакого захвата объектов желания, а, скорее, предлагает знание того, каким образом сам он был схвачен желанием, за какой краешек пойман, и эта разница не так уж мала.

В ходе наших последних двух встреч, в апреле и декабре 2003 года, мы уже проложили путь по этим заповедным землям, ступив, в том числе, и на землю Эдипа, что Фрейд предлагает всем, кто желает посвятить себя той особой форме социальной связи, какой является психоанализ. Подобно оракулу, Фрейд делает необычное заявление: тому, кто желает пройти по следам своего желания, он обещает встречу с матерью как чем-то запретным и отцом – как мертвецом. Но для этого необходимо еще и собственное участие субъекта. Для того чтобы отец стал мертвым, его необходимо убить, а чтобы мать оказалась запретной, необходимо прежде насладиться ею, заплатив за это куском своей плоти. Вот это да! Вот так история!

В течение 1957-1958гг. Жак Лакан продолжает преподавать в форме начатого им несколько лет назад еженедельного семинара, и на этот раз называет свой семинар «Образования бессознательного». «Образования бессознательного» – термин Фрейда, которым он обозначает феномены пси-

хоаналитического опыта – симптомы, сновидения, фантазмы, ошибочные действия, оговорки – как явления, имеющие отношение к структуре бессознательного. Психоанализ позволяет расшифровывать пути образования этих проявлений, погружаясь в работу бессознательного. Может показаться странным, что Лакан предпочел не рассматривать вопрос бессознательных образований строго в рамках психоаналитического опыта, но отдал предпочтение одной, оставшейся недооцененной аналитиками работе Фрейда – «Остроумие и его отношение к бессознательному», вышедшей в 1905 году. Теперь мы, оставив трагедию Эдипа, погружаемся в веселье, спровоцированное *Witz* – остротой, которая способна удивлять и которую передают из уст в уста. Не без помощи фрейдовского остроумия Лакан покажет, что разного рода веселые истории, обладающие способностью увлекать и мужчин, и женщин, гораздо важнее, чем об этом принято думать. Они не только служат средством коммуникации, но имеют также иное значение. Вместе с Фрейдом Лакан показывает, что эти истории служат человеку, помогая возникновению и одновременно сохранению того самого драгоценного, хотя и ускользающего из сферы полезного, что позволяет ему разделяться с «самыми тяжелыми значениями существования». Фактически, в этой способности преодолевать словом план воображаемого, в котором мы, собственно говоря, и двигаемся (социальная обстановка, достигнутое в речи согласие), заключен некий «выигрыш удовольствия», особенность которого заключается в том, что он выпадает лишь при условии признания и ратификации этого слова Другим. Иначе говоря, в качестве слова он полностью зависим от означающего. Как «слово» этот «выигрыш» имеет ценность в связи не со своим значением, с обозначаемым объектом, но со своей символической «свободой». И человек смеется... (Лакан, 2002, с.384-385*).

Именно опираясь на результаты изучения остроумия, Лакан получает возможность изменить точку зрения относительно места, которое желание занимает в аналитическом опыте и, в частности, того, какое отражение это находит в идеях аналитиков. Он покажет, что еще со времен Фрейда нечто, необходимым образом присущее аналитическому опыту и описываемое Фрейдом в терминах «бессознательного желания», оказалось потерянным. По мнению Лакана, этот термин в первоначальном своем значении был предан забвению. Он уступил место желанию воображаемому, то есть желанию, заданному объектом, предъявляющему себя в зависимости от его «вкуса», преломляясь и выступая теперь как желание оральное, анальное, скоптофилическое, садистическое и пр. и имея перспективу на

---

* Здесь и далее страницы указаны в соответствии с русским изданием: Жак Лакан, «Образования бессознательного» (Семинары: Книга V). М., ИТДГК «Гнозис», издательство «Логос», 2002.

горизонте аналитического лечения «интегрироваться» в качестве желания генитального.

Лакан скажет: нет, желание изначально не является желанием того или этого. Он скажет: вы, аналитики, глухи, вы не слышите, что желание того, кого вы слушаете, вовсе не вызвано к жизни «тем» или «этим», но по мере того, как нехватка «того» или «этого» могла бы иметь место, оно ориентировано этой самой нехваткой. Желание не инструмент, находящийся в ведении фантазмов, оно занимает свое особое место в человеческом сообществе, являясь самой большой ценностью, объединяющей людей между собой. И чтобы это отметить, Лакан совершает над желанием обряд крещения, нарекая его именем. Имя это – «фаллос», означающее нехватки и выстраиваемое на основе разницы полов. Конечно, желание носит множество различных имен, например «перо Жар-птицы», но в семинаре Лакан делает акцент на том, что именно благодаря своему имени желание становится действенным, а вовсе не благодаря объекту, на котором оно при случае оказывается фиксированным. Так и для царевича Ивана Жар-птица не была объектом его желания, объектом, которым он хотел бы обладать. Она – *имя* его желания, поскольку благодаря Жар-птице ему явилось желание покинуть дом отца. Вот, собственно, почему, когда братья Ивана, в конце концов, похищают птицу, это ассоциируется с расчленением тела. В сказке именно старшие братья, Дмитрий и Василий, выступают носителями свойства «быть увлеченным желанием как чем-то воображаемым», что и станет для них фатальным.

Не будем, тем не менее, забывать, что оба они отправились в путь по приказу отца, царскому приказу, а также то, что на протяжении всей сказки требует именно Иван, и мы являемся свидетелями его трудностей с требованием, поскольку он похищает драгоценные объекты – Жар-птицу, коня с золотой гривой, наконец, Елену Прекрасную, – и всякий раз ему ставится в упрек, что он нарушает принятые в обществе формы требования. В конце концов, по прочтении этой сказки, как впрочем и других, у нас возникает идея, что все они разворачиваются в полном соответствии с тем, что мы можем назвать, вслед за Лаканом, «*диалектикой требования и желания*». Теперь мы поблагодарим Ивана за то, что он ввел нас в эту диалектику, но вынужденно оставим его, чтобы исследовать эту заповедную территорию при помощи иных средств.

Диалектика требования и желания

Мы с вами подошли к одному из самых крупных открытий в психологии двадцатого века, а именно к разработанному Лаканом структуральному связыванию *требования, потребности и желания*. Данное открытие распространилось за пределы психоаналитических кругов и даже за пределы социальной сферы, пронизывая все современное мышление. Было бы

полезно вновь вернуться к моменту, когда это открытие заявило о себе, чтобы проникнуть в логику и разобраться во всех его причудливых превращениях.

Условия требования и закон желания

Изобретение Лакана заключается в формализации связи между требованием и желанием, то есть между полем, в котором разворачивается речь субъекта (а оно единственное, к чему психоаналитик имеет доступ), и фрейдовской «Другой сценой», открываемой им в *Traumdeutung* (*Толкование сновидений*), то есть бессознательным, которое ориентировано, направлено, организовано специфическими законами, названными Фрейдом «бессознательным желанием». Дабы не обесценить термин «диалектика», необходимо с самого начала задать оба поля – требования и желания – как радикально отличные друг от друга и, вместе с тем, связанные единственно «диалектическим» порядком. Другими словами, для того, чтобы существовало одно из них, необходимо другое, а то, другое, приобретает ценность исключительно в связи с существованием первого.

Эта «диалектическая» динамика является применением гегелевской диалектики господина и раба к аналитическому опыту, которое совершает Лакан. Таким образом, мы отталкиваемся от опыта ведения аналитического лечения как полностью разворачивающегося в поле речи, в поле требования. Далее мы увидим, почему допустимо отождествлять требование и поле речи. А сейчас рассмотрим самое требование как единственную для субъекта «входную дверь» в его желание. Для субъекта не существует иной возможности достигнуть территории, находящейся в ведении его желания, чтобы не пройти при этом через требование, – это, собственно, то, что Лакан определил как *желание, находящиеся по ту сторону требования*. Но требование станет входной дверью только при условии, что оно с самого начала рассматривалось в связи с желанием, то есть, строго говоря, как безусловное требование, а не как требование того или этого.

Из сказанного вытекает, что если в ходе аналитической практики вы рассматриваете требование анализанта как требование того или иного объекта и ориентируете его в направлении этого требования, то дверь откроется не на сцену бессознательного желания, а разве что в чулан воображаемых объектов, которые будут множиться, и в отношении которых невозможно усмотреть никаких правил. Самое же ужасное заключается в том, что вы рискуете перенаправить бессознательное желание в этом направлении, зафиксировав его на том или ином из объектов «первертным» образом. (В этот же период своего творчества Лакан будет изучать, в свете данной диалектической системы координат, некий случай из психоаналитической литературы, придавая особое значение логике того или иного отреагирования или «переходной перверсии».)

Итак, я резюмирую данную «диалектику»: бессознательное желание достигает своей цели исключительно по ту сторону требования, однако вы сможете открыть дверь требования только в случае, если будете учитывать его связь с желанием. Согласно введенным Лаканом понятиям, данная диалектика разворачивается следующим образом: с одной стороны – «условия» требования, с другой – «закон» желания. *«Все то, что выстраивается в субъекте в какую-то структуру, обязательно проходит через механизм, под действием которого желание его с самого начала моделируется условиями требования. В истории субъекта в его структуру вписываются, таким образом, те перипетии и превращения, в которых складывается, повинаясь закону желания Другого, его собственное желание»* (Лакан, 2002, с.375).

Я предлагаю вам читать это место следующим образом: различные модальности отношений субъекта с «партнерами по игре в жизнь», т.е. различные происшествия, имевшие место в его истории, записываются в бессознательном как законы его желания. Итак, с одной стороны, особые условия требования определяют для субъекта законы его желания; с другой – он оказывается в мире, где «желание Другого создает закон», и на этой основе артикулируется всякое требование.

Как вы можете заметить, речь идет о некоей достаточно сложной диалектике. Она включает в себя операции шифровки и дешифровки – со своим аналитиком, новым партнером для требования, вы будете расшифровывать сообщения, закодированные согласно условиям ваших требований. Но в нее входит также и тот факт, что код, открываемый вами в этих операциях шифровки-дешифровки, является тем же самым, что создает рамку встречи с вашим аналитиком. Короче говоря, это значит, что ваш аналитик подчиняется вместе с вами жестким законам желания, являющимся законами языка, законами означающего, – в отличие от различных гуру, претендующих на право создания закона желания, не беспокоясь об особых условиях требования. Результатом этой безосновательной претензии окажется убийство всякого живого требования во имя сохранения кровавого закона указания как такового.

Координаты желания

Теперь я хотел бы ввести координаты, позволяющие корректно расположить эти «игры требования и желания», – источник всех прелестей жизни в обществе, но, вместе с тем, и серьезных проблем. Как многократно напоминает Лакан, то, что я требую, не обязательно является тем, чего я желаю, но все же необходимо, чтобы это желание проследовало за означающими требования, и только тогда оно может быть услышано. Как в Пятом, так и в других семинарах, он показывает, что координаты желания являются координатами означающими. Что это значит?

Прежде всего, это означает, что они не являются, например, координатами эмоциональными: в практике анализа мы не позволяем себе следовать за «переживаемым» пациента. Однако это условие не мешает нам оценить то, что его затронуло, не допуская выхода на авансцену «субъекта эмоций», поскольку единственное требование эмоций, что хорошо известно, – «выразить себя». Результатом бывает разрастание всех требований субъекта, но они при этом остаются для него в аварийном состоянии и сводятся, в конце концов, к воображаемым формам фрустрации-агрессивности и вознаграждения-удовлетворения. Практикующий специалист желал эмоций, но не получил ничего, кроме обильных речей, потеряв по пути означавшее, едва появившееся в тот самый момент, когда субъект оказался «затронут».

С тем же успехом можно также стремиться руководствоваться не эмоциями, но координатами, в основе которых лежит «инстинкт». Кажется, вот оно, нечто более основательное, существующее в форме «фундаментальных потребностей». Правда, предстоит еще определить, какие же потребности являются «фундаментальными», и предубеждениям терапевта здесь обязательно найдется место. Заметим, что с самого начала потребности человека не естественны и всегда заключены в тот или иной дискурс. Представим себе некоего гениального терапевта, который в качестве фундаментальной потребности человеческого существа открывает потребность в тепле. Тогда нарушения, от которых страдают его ближние, связываются в первую очередь с недостатком тепла, или его избытком, или с какими-либо иными непредсказуемыми вариациями, касающимися все того же тепла и имевшими место в опыте нашего терапевта на протяжении его раннего детства. Он изобретет вполне солидный терапевтический метод, предлагая пациенту индивидуальные или групповые сеансы, во время которых будет происходить в установленном порядке последовательная смена холода и жары.

И, в конце концов, этот терапевт изобретет сауну! Человеческое существо нуждается в тепле, – но наш терапевт изобрел сауну, а не, скажем, логово. Цель здесь – не даровать тепло, а, в заботе о людях, подвергшихся серьезным «климатическим изменениям», придать этим изменениям сугубо социальную функцию, то есть рассматривать данных людей как нечто управляемое альтернативой «жара-холод» в качестве означавшего.

В тех случаях, когда терапевт склоняется к мысли, что желание обязательно подчиняется более высоким инстанциям, он может также захотеть ориентироваться на «идеальные» координаты. И тогда он предлагает желание занять свое место в речи согласно разрешению, используя хорошо испытанный во многих областях метод. Из этих других областей, религии и политики, к нам возвращаются опытные результаты данного метода: ус-

тановление речи на месте указания и внедрение вины в ту область, где должно быть желание, и вместо него. Я отсылаю вас к блестящим страницам, где Лакан анализирует виновность как «требование, убивающее желание». Исходя из этого определения, он распространяет свою мысль и на такое измерение, как «запрет». Воспринимаемый субъектом запрет проявляется в таком случае как перевод процесса, имеющий своей целью исчезновение бессознательного желания во имя указания. Речь здесь идет пока об указании «идеального» типа, но эта формула обретет окончательную полноту, когда Лакан поставит на его место указание наслаждения, делая очевидным парадокс фрейдовского Сверх-Я: чем в большей степени субъект отказывается следовать указанию, тем свирепее Сверх-Я; чем громче звучит указание наслаждаться, тем более запретным представляется субъекту желание.

Другой высказывания и Другой желания

Утверждение, согласно которому невозможно корректно подступиться к желанию иначе, чем, используя координаты означающих, не значит, что аффекты, потребности, идеалы не существуют, но лишь, что они всегда представлены в поле опыта в форме означающих, артикулированных в речи и в требовании. Когда мы говорим об «означающих требования», мы тем самым отмечаем, что субъект не обладает иными средствами представить себя, как только посредством прохождения вереницами речи, в то время как сама эта речь всегда является призывом, обращением, требованием. Требованием чего? Требованием «Другого, способного нам ответить» (*там же*, с.550).

Остановимся на этом месте, поскольку, благодаря измерению требования, появляются две фигуры Другого, которые необходимо различать.

С одной стороны, это то, что Лакан выделяет как «Другого – место речи»; имеется в виду «Другой, устанавливающийся, вырисовывающийся благодаря уже одному лишь факту, что субъект говорит» (с.549); в другом месте Лакан называет его «предварительным Другим» – местом сокровищницы означающих; этого Другого субъект в акте речи находит и одновременно создает, – это «автоматический» Другой, вступающий в действие автоматически, но дающий возможность выбора среди предоставленных услуг. Лакан называет данного Другого – Другим «без искажений».

Отсюда, исходя из самого места речи, происходит появление иной фигуры Другого, созданной требованием: «в этом месте речи мы даем жизнь Другому, способному нам отвечать». Это – Другой просьбы, мольбы, ожидания, «по поводу которого мы не знаем, как он воспринимает наше требование». Данный Другой больше не является «автоматическим» – это Другой в качестве говорящего, и он активно поддержива-

ет именно этот дискурс и никакой другой, и выбирает именно эти означающие и никакие другие. Лакан нам говорит, что он «занимает парадоксальное место в речи», будучи артикулированным, но не артикулируемым, и здесь он еще раз определяет фрейдовское бессознательное как «дискурс Другого».

И тогда (с.550) Лакан совершает переворот, начиная рассматривать как логическим образом идентичных Другого бессознательного, наиболее интимного для субъекта, и «Другого в качестве существа из плоти и крови, с благословения которого мы находимся на пути удовлетворения наших требований», то есть одного из партнеров субъекта, находящегося в позиции отвечающего на требование или требование предъявляющего. Как понять, исходя из чего Лакан устанавливает такого рода эквивалентность? Мне кажется, что он исходил из некоторой черты, характеризующей каждого из этих двух Других: «в нем существует нечто, что мы не знаем, но что отделяет нас от его ответа на наше требование. И это ничто иное, как его желание».

Вот он – ключевой момент диалектики требования и желания! Это момент, когда желание неожиданно появляется в интервале между Другим как местом речи и тем Другим, «который сам отмечен условиями речи». Желание в основе своей является именем этой разницы, существующей в самой сердцевине речи, – разницы между высказанным и высказыванием, между тем, что сказано и самим фактом, что это высказано. Когда Другой больше не отвечает, желание возникает в форме загадки: чего он от меня хочет? Или даже: чего же я хочу? Это тот же самый вопрос, который разделяет субъекта в ходе психоаналитического сеанса в связи с чем-то им самим высказанным и того же самого субъекта, но уже возникающего в связи с тем или иным его партнером либо партнершей по игре жизни. Психоанализ эффективен и обладает своими так называемыми «терапевтическими» результатами по мере того, как субъект выводит на сцену различные модальности требований, в которых его желание оказалось зафиксировано.

Эту дифракцию Другого между Другим речи и Другим желания, происходящую под воздействием требования, мы должны держать в уме до завтрашнего дня, когда нам предстоит коснуться вопроса относительно позиции истерического и обсессивного пациента в связи с желанием.

Истирание желания

Это место желания в рассмотренном интервале между высказанным и высказыванием оказывается особенно очевидным в тех случаях, когда его просто не существует (!), а именно в случае психоза. В этом случае его отсутствие переживается субъектом как посягательство на «наиболее интимную связь с ощущением жизни».

С женщиной, о которой пойдет речь, я встречаюсь регулярно, каждые 15 дней на протяжении двух лет, но знакомы мы с ней гораздо дольше, поскольку она моя соседка, и у нас – общие дом и сад. Каждые пятнадцать дней между нами происходит очень вежливая и учтивая встреча, в ходе которой мы рассуждаем по поводу того, что можно назвать ее «погружением в мир» или ее «воплощением», – именно в таких терминах она говорит о своем теле в его физическом смысле, дрейфующем во вселенной циркулирующих речей.

Эту даму мне доверила ее дочь, проявившая гениальную интуицию относительно организации помощи своей матери в тот момент, когда такая необходимость возникла в связи с бредом и приступами зрительных галлюцинаций.

Вокруг пациентки было сосредоточено много специалистов, посещавших ее на дому с целью оказания самой разнообразной помощи в зависимости от причуд ее дискурсивного «погружения». Медсестры для приема медикаментов, врач для различных медицинских назначений, окулист, отоларинголог и все остальные, кто также необходим, включая меня, психиатра и психоаналитика, кинезиотерапевт для увеличения подвижности тела, специальная помощница для культурных походов, домработница для домашней работы, муниципальная служба для организации питания... Каждый из этих интервентов, как она мне пояснила, сохраняется, чтобы отвечать на адресованные ему конкретные требования. По сути своей доброжелательная, она становилась свирепой, когда замечала малейший промах в ожидаемом ответе. В этом случае больная делает нарушителю внушение и ставит его «на место», к великому удивлению провинившегося, когда на его глазах милая пожилая дама вдруг преображалась в беспощадного тирана. В этом и проявляется ее непосредственная близость структуре речи и требования: что сказано – то сказано, и никакие извинения, с помощью которых можно было бы уклониться от безусловного указания речи, здесь бесполезны и неуместны.

В течение длительного времени я пытался понять свое собственное место в этом порядке. И думаю, что ответ прост: я являюсь тем, кто ведет запись всех недостатков безусловного указания речи, всех неприемлемых неудач. И я утверждаю их в этом качестве. Так, однажды, пациентка объясняла мне свою специфическую трудность, возникающую в момент, когда кто-нибудь обращается к ней с речью. При этом она придерживалась модели, основанной на особенности ее связи со слуховым аппаратом, громкость которого можно было регулировать. Итак, во время разговора с кем бы то ни было, по утверждению дамы, всегда наступает момент, когда в речи собеседника возникает «белое пятно», не-

что ускользающее, что она не способна ухватить, как если бы слуховой аппарат выходил из повиновения и звук делался едва слышным. Однажды появившись, это «белое пятно» становится необратимым: образовавшийся пробел не может быть более восполнен, что привносит в речь непоправимую «задержку», возникающую между ней, слушающей, и тем, кто говорит. Описывая то состояние замешательства, которое охватывает ее в подобные моменты, она обозначает его загадочной фразой: «У меня больше нет личности». Подобный комментарий позволяет понять: чем в большей степени она погружается в речь, тем в большей степени теряет, как она сама утверждает, «свою личность», что, помимо всего прочего, возбуждает ее негодование. «Вы знаете, доктор, что мои вкусы весьма разнообразны: мне нравится классическая музыка, но также и джаз; я люблю кино; я в той же степени интересуюсь регбийными матчами, что и фигурным катанием...». В этих произносимых вслух словах она не слышит того, что одновременно невольно описывает ситуации, в которые в течение минувших пятнадцати дней было погружено ее тело без участия желания. Во всяком случае, для нее самой оказывалось невозможным соотнести их с каким либо «желанием».

На самом деле, за неимением некоего загадочного измерения и в речи и в требовании, Другой речи, каждый раз, когда он оказывается воплощенным, похищает у нее «ее личность» и провоцирует этот элементарный феномен*, описываемый пациенткой с такой точностью. Отсутствие чего-либо иного существенного, кроме самого дискурса, ставит ее в положение абсолютной зависимости от материального течения фразы, где говорящий всегда опережает по времени слушающего, ибо тот, чтобы уловить точный смысл фразы, вынужден ждать ее окончания. Мы же, в общем-то, оказываемся в такой ситуации не полностью скованными, благодаря тому, что всегда остается уголок свободы в следующей форме: «существует то, что ты мне говоришь, и существует, кроме того, факт, что ты мне говоришь и/или что я тебя слушаю». Мы увидели, что именно там находится место желания. За неимением этого уголка свободы, именуемого желанием, множество раз происходило так, что моя соседка и пациентка «возвращала желание Другого», как об этом пишет Лакан (с.556), в реальное, а чтобы быть до конца точным – по другую сторону стены, к своему соседу слева, тоже врачу, откуда до нее доносились оскорбления в ее адрес. Я же, являясь соседом справа, продолжаю вместе с ней истирать в своем значащем соседстве все слишком не уместные проявления какого бы то ни было желания, в котором она могла бы оказаться заинтересованной.

Радикальные эффекты требования

---

* Элементарный феномен (*phénomène élémentaire*) – термин Клерамбо (*Clérambault*), используемый Лаканом в его работах «*De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité*» и *Le Séminaire, livre III, p.28.* – **Прим.пер.**

Весь этот пройденный нами путь показался мне необходимым, чтобы подойти, наконец, к рассмотрению разработанной Жаком Лаканом в этом семинаре конструкции, основанной на трех понятиях: потребность, требование и желание. В более концентрированной форме он представит эту конструкцию в своих статьях «Ведение лечения и принципы его возможностей» (текст, датированный июлем 1958г.^{*}), и «Значение фаллоса» (датированный маем 1958г.^{**}). В этих текстах, как и в семинаре, для Лакана каждый раз речь идет о возвращении желанию значения, которым, по его мнению, пренебрегали аналитики после Фрейда. Кроме того, он видит свою цель в том, чтобы напомнить, что «способ ведения психоанализа» зависит от места психоаналитика как «человека, которому говорят, и которому говорят свободно», и что это имеет непосредственные следствия для анализируемого.

Приведем следующие строки Лакана: «уже потому, что он говорит, он от меня требует... : его требование ни с чем не связано, оно не привлекает никакой объект». «Это требование является радикальным», – скажет он на той же с.617 «Ведения лечения», в сборнике «Écrits».

«Через посредничество требования все прошлое вскрывается до самых основ раннего детства. Требовать, – субъект ничего больше и не делал, как это; он не мог и жить иначе, нежели посредством этого; и мы пожинаем вытекающие отсюда последствия».

Таким образом, мы можем критически подойти к тем исследователям, которые будут работать вне «лакановской психологии» и начнут определять фазу потребности, фазу требования и фазу желания, представляя собой угрозу, нависающую с тех самых пор, как теория влечений Фрейда была сведена к пошлой истории стадий развития ребенка.

Будем отталкиваться от двойственности требования (с.469).

С одной стороны, требование имеет целью удовлетворение потребности. Конечно, как таковая потребность, прежде всего, заключена в «символические скобки», как это формулирует Лакан (с.330), но, тем не менее, «есть и некий остаток» (с.441-442), и то, что оказывается потерянными, обнаруживает себя по ту сторону требования. Именно на этом «остатке потребности», прошедшем через фильтр означающего, и обосновывается желание. Итак, мы имеем здесь желание, которое несет в себе условия, связанные с этим особым рода гибридом, порожденным некой специфической потребностью ребенка, и конкретным ответом на данную потребность со стороны матери. Лакан в ряде мест семинара настаивает на том, что остатки, образовавшиеся после этой операции, продолжают существо-

* «La direction de la cure et les principes de son pouvoir», в *Écrits*.

** «La signification du phallus», в *Écrits*.

вать со стороны субъекта; и перед этим «объектом» «Другой утрачивает свое преимущество» (с.443).

Но, с другой стороны, требование обладает собственными особенными характеристиками. Оно является требованием, направленным по ту сторону всякого удовлетворения, требованием получить ответ Другого вне удовлетворения, требованием, чтобы Другой дал не то, что у него есть и чем он может распоряжаться, а то, чего у него нет: то, что называют его любовью. В той мере, в какой требование является требованием любви, оно оказывается «безусловным». Это достаточно сильное слово во французском языке, оно содержит в себе измерение абсолютного, императив, безоговорочность, все то, что не предполагает никаких обсуждений. Будучи узником безусловного в любви, требование потеряло по дороге свои собственные специфические условия: любовь слепа. Желание находится, таким образом, по эту сторону требования как требования любви, поскольку оно удовлетворяется на некоторых условиях, а именно тех, что оно получает объекты удовлетворения потребности. Но эти условия желания наследуют безусловное требование любви, которое, в конце концов, становится, как говорит Лакан, «абсолютным условием» желания. Здесь мы уже улавливаем отзвуки постоянной латентной дисгармонии, существующей между любовью, которая держится в стороне от всякого возможного удовлетворения, и желанием, которое достигает удовлетворения лишь при исполнении его абсолютного условия. В сжатом виде Лакан выражает это противоречие одной лаконичной фразой, где он касается отношений между полами, «занимающих закрытое поле желания и там вершащих свою судьбу»: «субъект как Другой, применительно к каждому из партнеров отношения, не может ограничить себя существованием ни в качестве субъекта потребности, ни в качестве объекта любви, но оба они должны сохранять друг за другом место причины желания»^{*}.

В этой фразе Лакан совершает важнейший концептуальный скачок, который, в конечном счете, займет свое место в ряду других его больших открытий: определение места объекта как «причины желания».

Но время этого скачка наступит чуть позже. В своем семинаре, в ходе конференции 7 мая 1958 года, он пока говорит о партнере как об «инструменте желания». Вот это место: «Достигая места желания, другой не становится при этом тотальным объектом – проблема, напротив, состоит в том, что он сам, в качестве инструмента желания, превращается всецело в объект. Все дело в том, как обе эти позиции совместить» (с.445).

Таким образом, мы оказываемся в той точке, где Лакан собирает свой «граф желания»: на самом деле, речь идет о конструировании маленького аппарата, позволяющего аналитику разместить «в направлении лечения»

---

^{*} *Écrits*, p.691.

координаты этого единственно стоящего ориентира – бессознательного желания. Здесь необходимо понять одну важную вещь. В то время как желание записывается и размещается между значащими координатами требования, благодаря чему оно обретает свою реальность в речи анализанта, это же самое желание обнаруживает себя в качестве причины самых что ни на есть низменных, телесных обстоятельств, которые стараются в фантазме облачиться в различные крикливые наряды. Мы увидим, что невроз тогда характеризуется уловкой субъекта, цель которой – наполнить Другого требования всей загадкой желания, сохраняя в этом фантазме контрабандное наслаждение (см. с.472,510).

Перевод М.Страхова

Москва, декабрь 2003